

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «ОТВЕЧАЯ ЗА СЕБЯ. ЗАПИСКИ ФИЛОСОФА С ВРЕДНЫМ ХАРАКТЕРОМ»

Владимир Мацкевич

В декабре 2021 г. вышла книга Владимира Мацкевича «Отвечая за себя. Записки философа с вредным характером», созданная на основе серии публикаций в социальных сетях в 2019 г. С августа 2021 г. Владимир находится в белорусской тюрьме за свою интеллектуальную, публицистическую деятельность и за гражданскую позицию. Но арест не может и не должен останавливать мысль и развитие идей. Книга издана коллегами Владимира в рамках кампании «Философ в тюрьме». В 2019 г. Владимир Мацкевич в публичном пространстве искал ответы на вопросы о месте и роли мышления и философии в ситуации ключевых общественных трансформаций, определял собственную позицию и действовал. Это интеллектуальное и гражданское движение отражается в книге. В ней соединяется самоопределение, анализ актуальной общественной ситуации и перформативные акты публичных выступлений, например, открытое письмо А. Лукашенко. Мы публикуем небольшой отрывок из новой книги, в котором анализируется ситуация противостояния в публичном и информационном пространстве.

Неравная битва дискурса с нарративом

Лет 50–60 назад постмодернисты объявили, что время больших нарративов закончилось. Но они забыли уточнить, где, когда такое время было и где именно оно закончилось. Закончилось время нарративов в Германии, Франции, Бенилюксе, Скандинавии. Но в половине стран Европы господствовали именно большие нарративы. Самый большой и мощный нарратив тотально господствовал в СССР, и он же частично распространялся на большую часть Европы и разные другие регионы мира. Схожий с ним нарратив определял жизнь в Китае. И этим нарративам противостоял не меньший нарратив «свободного мира».

Постмодернисты поторопились хоронить нарративы. Они приняли локальную региональную ситуацию за глобальную. Обычный и заурядный евроцентризм, с которым они боролись.

При этом они так запутали само понятие «нарратив» обрывками структурализма и других модных подходов, что до сих пор распутать не могут.

Что такое «нарратив», лучше всего объяснил один из самых талантливых и ироничных постмодернистов Карлос Кастанеда. Он изобразил сам постмодернистский нарратив в форме мифологии и магической практики индейцев яки. Дон Хуан Матус использовал категорию «членство в описании мира» в том же самом смысле, в котором постмодернизм использует категорию «большой нарратив».

Нарратив — это язык плюс сумма повествований на этом языке, задающие описание мира. Люди принимают участие в нарративе, пользуясь этим языком, читая и слушая повествования о мире и транслируя эти повествования, что-то добавляя от себя, оспаривая отдельные утверждения. Сомневаясь, они только увеличивают, усиливают и укрепляют этот нарратив. Или, говоря словами дона Хуана, — принимают членство в описании мира.

Дон Хуан, Карлос Кастанеда, постмодернисты и феноменологи, которых пародировал Кастанеда, понимали и знали, что мир и описание мира (нарратив) не тождественны. Мир отличается от описания, причем отличается от любого описания, будь оно ближе к истине или дальше от нее. А сами описания мира (нарративы) конкурируют и враждуют между собой. Так, как во времена холодной войны конкурировали и враждовали между собой монолитный псевдомарксистский нарратив («научный» коммунизм, истмат с диаматом) и плюралистическое описание мира в европейских и американских нарративах.

Причем в силу того, что на Западе существовало множество различных описаний мира и среди них было место и советскому псевдомарксистскому описанию, постмодернисты отказывались признавать западное плюралистическое описание мира единым нарративом. Может быть, это и правильно. А Александр Зиновьев совсем не прав в своей книге «Запад», объединяя и интегрируя основные положения всех европейских учений и идеологий в единый супермеганарратив. Не буду пока на этом останавливаться.

Мне важно другое. В Беларуси время большого нарратива не закончилось. Советский монолитный нарратив разрушен. Так же, как постмодернисты сочли разрушенными либеральный, националистический, коммунистический нарративы в 60-е годы XX века. Но свято место пусто не бывает: старый нарратив сменился новым.

Светлана Калинкина прокомментировала очередной многочасовой «большой разговор» Лукашенко словами: «Он так видит

мир». Да, это мудрое замечание. Весь «разговор», который только имел видимость разговора и представлял собой длинный монолог, — это большой нарратив, повествование, развернутая картина мира, т.е. описание мира в смысле дона Хуана.

Это очень важное обстоятельство.

Описание мира по учению шамана племени яки — это шаманское магическое действие. Для умелого шамана вовсе не обязательно кормить слушателей наркотическими кактусами. Европейские шаманы давно овладели этим искусством. Насколько силен шаман-маг Лукашенко, я не буду разбираться, без меня знатоков хватает.

Меня интересует в этом другой важный аспект: а кто является соучастниками того описания мира, которое присутствует в повествовании Лукашенко?

И я могу ответить: все, кто вступает с ним в общение, говорит с ним на одном языке (в данном случае различие белорусского и русского языков совершенно несущественно), развивает или критикует эпизоды, факты, умозаключения в этом повествовании.

Все, кто разговаривает с Лукашенко, и все, с кем разговаривает Лукашенко, — это все соучастники и соавторы одного описания мира. Над всеми этими людьми господствует один большой нарратив.

В стране просто нет другого нарратива.

Мне могут возразить, приведя в пример Змитера Лукашука, подарившего шаману книгу «на другом языке», или любимца либеральной публики Ярослава Романчука, которые присутствовали на том «разговоре».

Да, вопросы и реплики нескольких людей выбиваются из общего повествования и вроде бы противоречат всему тому, что описывается и повествуется на этом массовом шаманском камлании.

Но это не нарратив. Это обрывки дискурса.

Дискурс — это не нарратив.

Дискурс отличается от нарратива своей последовательностью, линейностью. Иногда в дискурсе могут расходиться линии или идти параллельно, но линейность и последовательность сохраняется. Дискурс может быть логичным, может быть нелогичным, а ассоциативным, например, но в любом случае дискурс — это рассуждение. Более или менее доказательное и аргументированное, но доказательное и аргументированное.

У дискурса есть начало и конец. Дискурс от чего-то отталкивается и к чему-то приходит через несколько этапов, шагов рассуждений и доказательств.

Если оторвать у дискурса начало, отсечь конец, выкинуть несколько важных и необходимых этапов в доказательстве и аргументации, он перестает быть дискурсом. Часть целого не есть целое. Людям, знакомым с дискурсом Лукашука или Романчука,

услышанные фрагменты указывали на целое, на развернутое доказательство и аргументированное рассуждение. Но сколько таких людей?

Для других слушателей реплики и вопросы, представляющие собой этапы, фрагменты и шаги дискурса, существуют только как элементы нарратива, большого нарратива.

А нарратив не последователен и не линеен. Он не логичен и не доказателен. В нем могут встречаться обрывки цепочек рассуждений, вопросы и ответы, логические связки, отдельные разрозненные аргументы. Но все это нелинейно.

Что значит нелинейно?

Линия — прямая или кривая последовательность точек (но точкой можно обозначить и большие вещи, например, аргументы, логические условия в алгоритме и т.п.) между двумя особыми точками — началом и концом. Разновидностью линейности могут быть любые связные графы (дерево, звезда и т.д.).

А нарратив строится принципиально нелинейно. В нем все разорвано и если и связано что-то с чем-то, то иллюзорно или в случайном порядке. Постмодернисты придумали для такой нелинейной организации специальный термин — ризома. Ризома — это бессвязный набор точек, отрезков, линий, ниоткуда не начинающихся, нигде не заканчивающихся.

В этом смысле нарратив повторяет структуру мира, мир кажется нелогичным и неразумным, соответственно, и картина мира должна быть такой же.

Требовать от нарратива логичности и последовательности не стоит. Там этого нет и быть не может. Отдельные фрагменты могут быть последовательными и логичными, но и они никак не связаны с другими логичными и последовательными фрагментами.

Это напоминает структуру нетканых материалов. В таких материалах могут встречаться спрессованные нити, но их структура, функции и назначение совсем не таковы, что у нитей в тканях.

Поэтому нарратив может ассимилировать разные дискурсы. Как диамат, например, мог ассимилировать любые научные теории, даже те, которые первоначально отвергались как буржуазные. Пересажав и расстреляв всех вейсманистов-морганистов, сталинисты вернули генетику в образование через 20 лет преследований. Легко.

Особенно легко нарратив потребляет обрывки дискурсов.

В принципе, законченный дискурс имеет существенное преимущество перед нарративом. Дискурс логичен, последователен, проверяем. И в этом отношении дискурс красив. Даже если он содержит в себе отдельные ошибки и неточности и далек от истины. Но к нарративу истинность вообще неприменима. Да и в эстетическом отношении нарратив оставляет желать лучшего. Чем больше нарратив (например, собрание сочинений

Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина или «Война и мир», «Люди на болоте»), тем меньше в нем истины, красоты и добра. В больших нарративах всего по чуть-чуть: любви и ненависти, добра и зла, насилия, преступлений, геройства — и все это в беспорядочной куче.

Таков и нарратив лукашизма.

Для чего на «большой разговор» приглашаются Романчук и Лукашук? Чтобы дать им слово, но не давать развернуть дискурс. Оборвать на полуслове, не дать закончить, ограничить время регламентом, чтобы, даже начав с чего надо и закончив правильным выводом, собеседник скомкал доказательную и аргументативную часть. И тогда вопросы и реплики смелых оппозиционных оппонентов легко включаются в ризому нарратива, становятся частью описания мира. А сами такие собеседники становятся членами в этом описании мира.

И что же делать, как нам быть, не убиться ли головой об стену?

Я бы рассказал, но...

Это уже 13-й шаг в дискурсе. Можно рассказать тому, кто проследил 12 предыдущих шагов в линейном разворачивании мысли, в цепочке аргументов.

Я и расскажу. Чуть позже.

А сейчас просто подведу черту в этом фрагменте.

Клин клином вышибают. Нарратив вышибают нарративом. Но не дискурсом. Тем более оборванным, скомканным.

Битва дискурса с нарративом изначально обречена на поражение. Лукашизму можно противопоставить только иное описание мира, иной нарратив. А это требует членства в нем.